

Ю. П. Гаврильченко

доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры финансового права
и правового регулирования хозяйственной деятельности
Белорусского государственного университета

**МЕСТО ИНВЕСТИЦИОННОГО ПРАВА
В СИСТЕМЕ ПРАВА**

Аннотация. Инвестиционное право исследуется в контексте его места в системе права. Автором изучены концепции комплексной отрасли права, комплексной отрасли законодательства, а также характерные черты отрасли права, предмет и метод инвестиционного права. Сделан вывод о наличии в юридической науке пяти ключевых подходов к месту инвестиционного права в системе права: полное поглощение другими отраслями права (преимущественно гражданским), самостоятельная отрасль, комплексная отрасль права, комплексная отрасль законодательства, «комплексно-правовое» образование. Проанализировав эти подходы, автор приходит к выводу, что с учетом современного состояния развития инвестиционного права оно может быть признано сложным комплексным образованием, структурным элементом (подотраслью) макроструктуры хозяйственного права.

Ключевые слова: инвестиционное право, система права, инвестиции, комплексная отрасль, отрасль законодательства, предмет, метод.

Введение. Инвестиционные отношения «представляют собой основу для развития национальной экономики и повышения эффективности общественного производства в целом» [1, с. 49], поэтому проблема роста инвестиционной активности остро стоит перед всеми странами [2, с. 217]. Как справедливо отмечает Л. Г. Кропотов, «инвестиции — один из краеугольных камней в понимании различных экономических процессов (в первую очередь движение капитала в различных его формах) в масштабах отдельной компании и целого государства» [3, с. 84]. Таким образом, проблематика инвестиционных отношений не теряет своей актуальности с момента провозглашения начала перехода Республики Беларусь к рыночным отношениям. Вместе с тем в этой сфере остается множество пробельных и спорных вопросов, и одним из ключевых является проблема определения места инвестиционного права в системе права. В связи с отсутствием в белорусской литературе комплексных исследований, посвященных вопросам инвестиционного права в контексте систематиза-

ции права, целью данной статьи стало раскрытие ключевых аспектов проблемы.

Основная часть. К определению инвестиций в науке и практике применяется как минимум два подхода.

Так, А. Н. Минич отмечает, что инвестиции — один из ключевых объектов госрегулирования экономики [4]. С этим высказыванием можно согласиться, если рассматривать инвестиции как общественные отношения или процесс, и такой подход действительно достаточно распространен: «Инвестиции следует рассматривать не в статике, а в динамике, как целостный процесс, в ходе которого происходит последовательная смена форм стоимости и реализуется динамическая связь элементов инвестиций» [5, с. 313–314]. В данном контексте инвестиции означают процесс «расставания с деньгами или другими материальными ценностями в настоящий момент с целью получения (возможно) ценности в будущем» [6, с. 8]. Инвестиции определяются как размещение капитала с целью получения прибыли.

В науке используется и статичный подход. Инвестиции определяются как денежные средства, материальные и интеллектуальные ценности, привлекаемые для осуществления практических действий, направленных на получение полезного эффекта [7, с. 29]. Законодатель воспринял именно такое понимание. Согласно ч. 1 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 12 июля 2013 г. № 53-З «Об инвестициях» [8] инвестиции — «любое имущество и иные объекты гражданских прав, принадлежащие инвестору на праве собственности, ином законном основании, позволяющем ему распоряжаться такими объектами, вкладываемые инвестором на территории Республики Беларусь способами, предусмотренными настоящим Законом, в целях получения прибыли (доходов) и (или) достижения иного значимого результата либо в иных целях, не связанных с личным, семейным, домашним и иным подобным использованием».

Таким образом, инвестиции в белорусском законодательстве выделяются в первую очередь на основании цели и способов использования. Отношения, возникающие по поводу инвестиций, могут быть определены как инвестиционные отношения. Их правовое регулирование осуществляется нормами инвестиционного права, которое является важной, но недостаточно четко определенной частью белорусской системы права.

В целом системность права является одним из немногих фактов, общепризнанных юридической наукой. Она предполагает, что право представляет собой не просто совокупность элементов (норм), а сложное структурированное образование, обладающее определенным единством. «Признаками любой системы являются связь, целостность и обусловленная ими устойчивая структура» [9, с. 177].

В качестве самостоятельного социального регулятора право взаимодействует с внешними субъектами, при этом внутреннее его построение также предполагает целостность, тесное взаимодействие разных элементов между собой. Системность обуславливает выделение многоуровневой иерархической структуры права, «внутреннюю подразделенность позитивного права на отрасли, институты» [10, с. 78], позволяющую сохранить единый подход в регулировании общественных отношений и обеспечить последовательность развития правовой системы.

Тем не менее вопрос о структуре системы права традиционно не имеет однозначного решения. В литературе выделяется множество подходов, более и менее широких, но применительно к определению места инвестиционного права целесообразно использовать достаточно узкое понимание системы права как системы правовых норм [см., напр., 11]. В данном аспекте можно согласиться с С. С. Алексеевым, что юридическая норма регулирует поведение на уровне поведенческой операции, институт — поступка, отрасль — деятельности [12, с. 228].

В. П. Сидоров выделяет следующую систему:

– отрасль права, то есть совокупность правовых норм, регулирующих определенную сферу (область) общественных отношений;

– подотрасль — совокупность правовых норм, регулирующих определенный род общественных отношений, входящих в отрасль права;

– институт права — правовые нормы, регулирующие вид общественных отношений, входящих в подотрасль или отрасль права;

– субинститут права — совокупность правовых норм, регулирующих конкретный аспект общественных отношений института права [13, с. 130].

Кроме специфики и определенной однородности общественных отношений, в науке выделяются и другие харак-

терные признаки отрасли. В частности, В. К. Райхер считал достаточным для выделения отрасли права наличие самостоятельного предмета регулирования, крупной значимости общественных отношений и достаточно обширного объема соответствующего нормативного материала [14, с. 189–190]. Л. И. Дембо называл предпосылками возникновения отрасли: а) наличие соответствующей области общественных отношений; б) определенное единство данного комплекса общественных отношений; в) существование у господствующего класса объективно обусловленного интереса в самостоятельном регулировании данного комплекса отношений [15, с. 91]. И. В. Павлов исходил из того, что «в отрасль права могут выделяться общественные отношения, являющиеся однородными, имеющие принципы регулирования и методы правового воздействия, если выделение этих отношений в самостоятельную сферу правового регулирования диктуется интересами господствующего класса» [16, с. 10].

В настоящее время наиболее распространенной является точка зрения о выделении отрасли на основании предмета и метода. Считается, что она была оформлена в 1981 г. по результатам дискуссии журнала «Советское государство и право» [17, с. 358; 13, с. 134]. Позднее уточнялось, что при выделении отрасли права нужно исходить из определяющего значения предмета регулирования, учитывая при этом, что отрасль права характеризуется также наличием особого метода правового регулирования [18, с. 47]. При этом могут выделяться и дополнительные обоснования выделения отрасли: наличие общественной потребности и государственного интереса в регулировании соответствующих правоотношений (и, как результат, существование специальных источников права); формирование специфических понятий и категорий; законодательное закрепление принципов и др. [19, с. 10].

Однако, даже определившись с критериями, с уверенностью отнести ту или иную совокупность норм к отрасли права достаточно проблематично. Так, в 1938–1940 гг., основываясь на делении права по метриальному критерию, существовавшую систему права разделили на 10 отраслей: государственное, административное, трудовое, земельное, колхозное, бюджетно-финансовое, семейное, гражданское, уголовное и судебное [13, с. 130]. Позднее эта систематизация претерпела ряд изменений, но сам вопрос о возможности возникновения новых отраслей так и не был решен.

Одни авторы до сих пор полагают, что нет необходимости признавать новые отрасли права. Как пишет Н. Н. Вопленко, «система права в определенном смысле метафизична, ибо представляет собой рационально сформулированный продукт человеческого разума, обобщающий в себе взгляд на закономерности бытия системы законодательства» [20, с. 12]. Соответственно, возникновение новых отраслей является «неблагоприятной тенденцией для целостного, системного развития правовой науки и юридической практики, способствует „размыванию“ системы права (через механизмы влияния правовой науки и практики на правотворчество), приводит к утрате четких границ между понятиями отрасли права, подотрасли права и института права» [21, с. 6].

Данный подход чаще отстаивают представители «классических» отраслей права. Однако достаточно спорно полагать, что система законодательства может изменяться годами и десятилетиями, а система права, несмотря на это, оставаться такой же, как в момент возникновения. Следует понимать, что право все еще продолжает свое формирование, оно не является статичным и завершенным явлением.

Противоположной точки зрения придерживаются авторы, которые не видят проблемы в формировании не только новых отраслей, но также методов правового регулирования. В обоснование данного подхода предлагается наличие метода гарантий для избирательного права, метода социальной алиментации для права социального обеспечения, метода экологизации для экологического права и т. д. [22, с. 116]. Более того, иногда предлагается заменить понятие «отрасли права» на понятие «ветвь права», поскольку обесценено (девальвировано) понятие «отрасли права», причем настолько, что им затруднительно или вообще невозможно пользоваться ни в научных, ни в практических, ни в учебных целях [23, с. 107–113].

Данные новеллы представляются слишком категоричными, однако следует согласиться, что появление новых отраслей — естественная и неизбежная часть эволюции системы права, «объективный процесс развития системы права» [24, с. 4]. При этом сомнительно, что «появление новой отрасли права возможно лишь там, где можно создать общие положения, отражающие общие принципы и методы регулирования для всех норм» [22, с. 116]. Возникновение таких образований, как хозяйственное право, банковское

право с их сложным методом, сочетающим частноправовой и публично-правовой элементы, доказывает, что жесткое разделение разных структурных элементов системы возможно далеко не всегда.

Таким образом, инвестиционное право, не характеризующееся единством метода правового регулирования, гипотетически может быть определено как самостоятельная отрасль. Первые концепция о становлении инвестиционного права как отрасли была сформулирована А. Г. Богатыревым в 1992 г. Автор аргументировал ее следующими обстоятельствами:

1) наличием обособленной группы инвестиционных отношений, отражающих объективное условие существования и развития инвестиционного процесса или инвестиционной деятельности как объективной экономической закономерности в обществе, то есть наличием самостоятельного предмета правового регулирования;

2) осознанием особой общественной необходимости и значимости инвестиционных отношений в системе экономических отношений;

3) наличием нормативного материала соответствующего количества и качества;

4) наличием особого метода правового регулирования инвестиционных отношений, выражающегося в сочетании публично-правового и частноправового регулирования инвестиционных отношений [25, с. 5].

А. Г. Богатырев предложил схему построения системы советского инвестиционного права, выделив Общую и Особенную части, что впоследствии было воспринято в украинском Хозяйственном кодексе [26, с. 2].

Ряд авторов до сих пор использует наработки А. Г. Богатырева. Так, инвестиционное право рассматривается как отрасль права, «которая представляет собой совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения по поводу привлечения, использования и контроля за инвестициями и осуществляемой инвестиционной деятельностью, а также отношения, связанные с ответственностью инвесторов за действия, противоречащие законодательству» [27, с. 6].

Тем не менее большинство ученых сходится во мнении, что инвестиционное право не может быть признано самостоятельной и полноценной отраслью права. Возможно, это временное явление, присущее начальной стадии развития инвестиционного права, и в процессе становления инвес-

тиционное право «дорастет» до признания самостоятельной отраслью. Однако в настоящее время оно все еще недостаточно четко вычленилось в рамках системы права. В результате появляется мнение о вторичном, комплексном характере инвестиционного права.

Авторы данного подхода исходят из того, что структурное деление системы права на нормы права, институты и отрасли права не является единственно возможным, так как «происходит образование иных, так называемых „вторичных интегрированных структур“, одной из которых... и является инвестиционное право» [28, с. 18].

В частности, С. Мороз делает вывод о том, что инвестиционное право представляет собой цельное правовое образование, отличающееся единством составляющих его институтов, объединяющее нормы различных отраслей права, и поэтому является комплексной отраслью права, сосуществующей наряду с основными отраслями права (гражданским, уголовным, административным, процессуальным и т. д.), и занимает особое место в системе права [29, с. 60–61]. Соглашаясь с данным выводом, И. З. Фархутдинов и В. А. Трапезников добавляют к фактам, свидетельствующим о том, что инвестиционное право является комплексной отраслью в России, наличие обширной законодательной базы и указывают на необходимость ее кодификации [30, с. 14].

Предложение различать в пределах системы права две категории отраслей — основные и комплексные — было выдвинуто В. К. Райхером в 1947 г. Эта идея получила развитие в трудах разных ученых. При этом относительно применяемого метода выделяются две противоположные точки зрения [31, с. 196]. Одна из них исходит из отсутствия у комплексных отраслей собственного метода [32, с. 19; 33, с. 9], а другая настаивает на существовании собственного специфического метода правового регулирования как составляющей комплексной отрасли права [34, с. 34].

Теория комплексных отраслей активно критикуется в научной среде, поэтому более распространена точка зрения, что инвестиционное право является комплексной отраслью законодательства, объединяющей нормы разной отраслевой принадлежности (гражданского, международного, финансового, банковского законодательства). В частности, В. В. Гущин и А. А. Овчинников подчеркивают, что инвестиционные отношения могут быть объединены в единую группу только

условно, по причине отсутствия совокупности отношений, а следовательно, предмета инвестиционного права. Отсутствие предмета и метода правового регулирования обуславливает невозможность признания инвестиционного права отраслью права [30, с. 73]. При этом авторы подчеркивают в инвестиционном праве доминирующее влияние гражданско-правовых норм [30, с. 65]. М. Г. Вельяминов также считает, что у инвестиционного права нет своего предмета, поскольку инвестиция, являясь имуществом, входит в предмет гражданского права [35, с. 335].

Полагаем, не стоит опускаться до узкой, исключительно гражданско-правовой интерпретации имущества и права собственности. В литературе подчеркивается, что собственность лежит в основе практически всех государственных институтов и носит «комплексный, межотраслевой характер» [36, с. 33]. Добавим, что не только межотраслевой, но и междисциплинарный, общекультурный характер. В. М. Захаров справедливо отмечает: «Отношения собственности имманентны всем социальным сферам: экономической, социальной, политической и духовной, что придает этому понятию феноменологический и социально-философский статус» [37, с. 9].

Мнение о наличии самостоятельных комплексных отраслей законодательства используется в литературе достаточно часто. Некоторые ученые делают вывод, что система права представляет собой первичное, исходное, базовое явление по отношению к системе законодательства [38, с. 211]. В данном контексте следует подчеркнуть, что в действительности содержание и форма права «не существуют обособленно друг от друга: бесформенное содержание права так же немислимо, как и его бессодержательная форма. Содержание права имеет место лишь постольку, поскольку оно оформлено» [39, с. 24–25].

В обоснование несоответствия системы права и системы законодательства А. В. Головзин указывает, что «от системы нормативно-правовых актов, являющейся формой системы объективно существующей системы права, отличается систематика нормативно-правовых актов, которая является результатом воли законодателя... Кроме предмета и метода правового регулирования, основаниями систематизации законодательства могут служить иные критерии» [40, с. 83]. Однако является ли целесообразным, правильным такой

подход законодателя?

Как справедливо отмечает И. Н. Сенякин, «система права по его содержанию — это внутренняя структура права, соответствующая характеру регулируемых им общественных отношений. Система законодательства — внешняя форма права, выражающая строение его источников, то есть систему нормативно-правовых актов. Право не существует вне законодательства, а законодательство в широком его понимании и есть право» [41, с. 337]. То есть автор, выделяя право как содержание и законодательство как форму, все же приходит к признанию их идентичности «в широком понимании».

Таким образом, признавая несовпадение отрасли права и отрасли законодательства, мы говорим о воде, которая застыла шаром в кувшине кубической формы: в целом это возможно в результате ряда манипуляций, но такая ситуация никак не может быть признана энергоэффективной. Т. Я. Хабриева по данному поводу пишет, что именно «в соответствии со строением права проводятся систематизация и кодификация законодательства, устраняются несогласованности и противоречия в нем, разрешаются многие вопросы применения права, совершенствуется юридическая техника» [42, с. 12]. Отметим, что так происходит не всегда, однако к этому следует стремиться.

Еще один подход к инвестиционному праву включает признание его сложным «комплексно-правовым» образованием. В частности, С. П. Мороз исходит из того, что инвестиционное право представляет собой цельное правовое образование, отличающееся единством образующих его институтов, объединяющее нормы различных отраслей права. В связи с этим инвестиционное право является комплексно-правовым образованием, сосуществующим наряду с основными и комплексными отраслями права, и занимает свое особое место в системе права [29, с. 61].

А. В. Попова полагает, что «наиболее жизнеспособной из всех представленных выше концепций на сущность и место инвестиционного права является... концепция, детерминирующая отдельные части инвестиционного права (инвестиции, инвестиционная политика, инвестиционные договоры, инвестиционная деятельность и др.) как межотраслевые (комплексные) правовые институты, а инвестиционное право в целом как объединение комплексных

(межотраслевых) институтов» [28, с. 22]. В другой статье автор определяет инвестиционное право «в качестве комплексного правового образования как вторичного структурного элемента системы права, обладающего специфическим предметом, методом правового регулирования, определенным кругом источников и находящегося на уровне взаимодействия частного и публичного права... то есть как отдельно стоящее комплексное нормативное образование, находящееся не в вертикальном, а в горизонтальном строении системы права Российской Федерации на стыке частного и публичного права» [43, с. 121].

Е. С. Соколов и Ю. И. Пекер подчеркивают компромиссность такого подхода, поскольку он не вступает в противоречие с положениями теории права и не ставит под сомнение пределы предмета других отраслей: «В случае рассмотрения инвестиционного права в данном клише, с одной стороны, одновременно прослеживается идея совершенно очевидного комплексного характера инвестиционно-правового регулирования общественных отношений, а с другой стороны, отсутствует конфликтный характер различных наук и областей знаний, ведь никем из современных авторов не высказывались отрицательные соображения по поводу существования комплексных (межотраслевых) институтов» [44, с. 252]. Вместе с тем подход А. В. Поповой вызывает ряд сомнений, в первую очередь в силу спорности отдельной систематизации права по вертикальному и горизонтальному параметрам.

Признание инвестиционного права в качестве сложного комплексно-правового образования при всем единении с идеями, существующими в теории права и цивилистике, оставляет открытым главный вопрос: какое же место в системе права оно занимает? Полагаем, на данном этапе развития инвестиционное право действительно еще не «доросло» до признания самостоятельной отраслью права или даже комплексной отраслью права, если соглашаться с существованием таковых.

В настоящее время отношения, которые возникают в процессе инвестиционной деятельности и реализации инвестиций, наиболее полно «вписываются» в предмет хозяйственного права — отрасли такой же неоднозначной, но все же менее спорной. Как и в отношении инвестиционного права, существует концепция, согласно которой хозяйственное право представляет собой не отрасль, а нормативный

массив, включающий в себя нормы разных отраслей права, функционально связанных между собой [45, с. 36]. На основе данных положений сформирована теория хозяйственного права как отрасли законодательства.

Следует учесть, что само по себе хозяйственное (предпринимательское) право является достаточно молодой структурой. В более ранние периоды оно периодически возникало как термин или идея (в том числе за рубежом), но в 20-х гг. XX в. появилась так называемая теория двухсекторного права, основоположник которой, П. И. Стучка, различал гражданское и хозяйственно-административное право. Согласно данной концепции хозяйственно-административное право регулирует отношения, складывающиеся в социалистическом секторе экономики, тогда как сфера применения гражданского права — частный сектор экономики [46, с. 54].

Послевоенная концепция хозяйственного права, авторами которой были В. В. Лаптев, В. К. Мамутов, Г. М. Свердлов и др., синтезировала в хозяйственном праве «горизонтальные» (возникающие между хозяйствующими субъектами), «вертикальные» (существующие между хозяйствующими субъектами и органами государственной власти и местного самоуправления) и внутривозможные (складывающиеся между подразделениями предприятий) отношения [19, с. 7]. Позднее возникли и другие концепции, однако основная идея хозяйственного права, «возникшая в результате компромисса между административным правом и цивилистикой и состоявшая в единстве отношений по вертикали и горизонтали, не ушла в прошлое вместе с СССР, но приобрела новое выражение через общность государственного регулирования и бизнеса, публичных и частноправовых отношений в предпринимательстве» [47, с. 54–55]. При этом, если в некоторых государствах, например Российской Федерации, существовал период ослабления роли государства и «идеализации» цивилистики, то в Беларуси непрерывно развивалась идея активного государственного регулирования хозяйственной деятельности, являющаяся одним из обоснований выделения хозяйственного права в самостоятельную отрасль.

В результате отношения, регулируемые хозяйственным правом, чаще всего воспринимаются в науке очень широко. В. К. Сидорчук, в частности, пишет, что хозяйство —

чрезвычайно масштабное явление [48, с. 13], а хозяйственное право «представляет нормативную форму гармонизации частных и публичных интересов в сфере профессионально осуществляемой экономической деятельности» [48, с. 15]. Если к тому же учесть, что метод, применяемый в хозяйственном праве, сложный и включает частноправовой и публично-правовой элементы, хозяйственное право превращается в макроструктуру, полностью поглощающую инвестиционное право. При этом вопрос о месте хозяйственного права в системе права все еще остается открытым.

Заключение. Таким образом, в науке существует множество подходов к инвестиционному праву в системе права. Чаще всего оно рассматривается в качестве:

- 1) элемента других отраслей права (преимущественно гражданского), не обладающего признаками самостоятельности;
- 2) полноценной самостоятельной отрасли права;
- 3) комплексной отрасли права;
- 4) отрасли законодательства;
- 5) комплексно-правового образования, объединения комплексных (межотраслевых) институтов.

Последняя из названных концепций является компромиссной, в наименьшей степени противоречит теории права и цивилистике, но так и не отвечает на вопрос о месте инвестиционного права в системе права.

Полагаем, на настоящем этапе своего развития инвестиционное право все еще не «доросло» до признания его как самостоятельной отрасли, но с учетом существующего подхода к предмету, методу и сути хозяйственного права как макроструктуры, в условиях активного государственного регулирования хозяйственной деятельности инвестиционное право может быть признано субэлементом (подотраслью) хозяйственного права Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Юзвович, Л. И. Экономическая природа и роль инвестиций в национальной экономической системе / Л. И. Юзвович // Финансы и кредит. — 2010. — № 9. — С. 48–52.
2. Шпинева, Ю. С. К вопросу об определении понятия инвестиций в законодательстве и науке / Ю. С. Шпинева // Вестн. Костромского гос. ун-та. — 2020. — Т. 26. — № 2. — С. 217–224.

3. Кропотов, Л. Г. Понятие «инвестиции» в международном праве / Л. Г. Кропотов // Вестн. СПбГУ. Сер. 14. — 2011. — Вып. 4. — С. 84–97.

4. Минич, А. Н. Неисполнение условий инвестиционного договора (часть 1): законодательство (по состоянию на 09.03.2021) [Электронный ресурс] / А. Н. Минич // Консультант Плюс: Беларусь / ЗАО «Консультант Плюс». — Минск, 2021.

5. Харсеева, А. В. Понятие и сущность инвестиций: проблема определения термина / А. В. Харсеева // Теория и практика общественного развития. — 2010. — № 1. — С. 313–318.

6. Янковский, К. П. Инвестиции / К. П. Янковский. — СПб.: Питер, 2006. — 224 с.

7. Мозжерина, Т. Г. Инвестиции в основной капитал регионального АПК: источники, оценка, аудит / Т. Г. Мозжерина. — Омск : Изд-во ФГОУ ВПО ОмГАУ, 2009. — 188 с.

8. Об инвестициях [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь, 12 июля 2013 г., № 53-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. — Минск, 2021.

9. Блауберг, И. В. Становление и сущность системного подхода / И. В. Блауберг, Э. Г. Юдин ; отв. ред. А. Ф. Зотов. — М. : Наука, 1973. — 272 с.

10. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. — М. : БЕК, 1995. — 320 с.

11. Дробязко, С. Г. Право как система и его закономерности / С. Г. Дробязко // Право и демократия : сб. науч. тр. — Минск, 1999. — Вып. 10. — С. 3–16.

12. Проблемы теории государства и права : [учеб. для вузов по спец. «Правоведение»] / С. С. Алексеев [и др.] ; под ред. С. С. Алексеева. — М. : Юрид. лит., 1987. — 446 с.

13. Сидоров, В. П. К вопросу о проблемах формулирования некоторых определений элементов системы права в теории государства и права / В. П. Сидоров // Вестн. Псковского гос. ун-та. Сер. Социально-гуманитарные науки. — 2012. — Вып. 1. — С. 129–135.

14. Райхер, В. К. Общественно-исторические типы страхования / В. К. Райхер ; отв. ред. М. М. Агарков. — М., Л. : Изд-во АН СССР, 1947. — 282 с.

15. Дембо, Л. И. О принципах построения системы права / Л. И. Дембо // Советское государство и право. — 1956. — № 8. — С. 88–98.

16. Павлов, И. В. О системе советского социалистического права : тез. докл. / И. В. Павлов ; Ин-т права Акад. наук СССР. — М., 1958. — 20 с.

17. Червонюк, В. И. Теория государства и права / В. И. Червонюк. — М. : ИНФРА-М, 2009. — 703 с.
18. Тиунова, Л. Б. О системном подходе к праву / Л. Б. Тиунова // Советское государство и право. — 1986. — № 10. — С. 46–52.
19. Довнар, Ю. П. Банковское право. Общая часть / Ю. П. Довнар. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Амалфея, 2007. — 336 с.
20. Вопленко, Н. Н. Понятие системы права / Н. Н. Вопленко // Legal Concept. — 2009. — № 11. — С. 11–16.
21. Головина, А. А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А. А. Головина. — М., 2012. — 34 с.
22. Зарапина, Л. В. О понятии «отрасль права» и системообразующих признаках отрасли права / Л. В. Зарапина // Вестн. Моск. финансово-юрид. ун-та. — 2017. — № 3. — С. 114–118.
23. Мозолин, В. П. Система российского права: доклад на всерос. конф. 14 нояб. 2001 г. / В. П. Мозолин // Государство и право. — 2003. — № 1. — С. 107–113.
24. Зарапина, Л. В. Формирование транспортного права в России: историко-правовое исследование / Л. В. Зарапина. — М. : Альфа-М, 2015. — 190 с.
25. Богатырев, А. Г. Инвестиционное право / А. Г. Богатырев. — М. : Рос. право, 1992. — 271 с.
26. Лавренюк, Т. А. Принципы хозяйственного права в хозяйственном кодексе Украины / Т. А. Лавренюк // Теорія і практика правознавства. — 2018. — Вып. 1 (13). — С. 1–11.
27. Инвестиционное право : курс лекций / сост. Л. Ф. Трацевская. — Витебск : ВГУ им. П. М. Машерова, 2021. — 59 с.
28. Попова, А. В. «Инвестиционное право» как структурный элемент российской системы права / А. В. Попова // Право и современные государства. — 2014. — № 4. — С. 16–22.
29. Мороз, С. Принципы инвестиционного права / С. Мороз // Журн. рос. права. — 2003. — № 3. — С. 55–61.
30. Инвестиционное право: учебник / В. В. Гущин, А. А. Овчинников. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Эксмо, 2009. — 441 с.
31. Скуднов, С. М. Комплексные образования в праве: проблемы метода правового регулирования / С. М. Скуднов // Вестн. экономики, права, социологии. — 2016. — Т. 1. — Вып. 4. — С. 195–197.
32. Свирин, Ю. А. Дивергенция в системе права / Ю. А. Свирин. — М. : Астра Полиграфия, 2012. — 392 с.
33. Фархутдинов, И. З. Инвестиционное право: учеб.-практ. пособие / И. З. Фархутдинов, В. А. Трапезников. — М. : Волтерс Клувер, 2006. — 432 с.
34. Рассолов, И. М. Информационное право / И. М. Рассолов. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2010. — 352 с.

35. Вельяминов, Г. М. Международное экономическое право и процесс (Академический курс) : учебник / Г. М. Вельяминов. — М. : Волтерс Клувер, 2004. — 477 с.

36. Калибернова, О. Н. Собственность и современное российское общество (общеправовой аспект) : дис.... канд. юрид. наук : 12.00.01 / О. Н. Калибернова ; Нижегород. юрид. ин-т. — Н. Новгород, 1999. — 200 с.

37. Захаров, В. М. Собственность: сущность, содержание и формы проявления: социально-философский аспект : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / В. М. Захаров ; Челяб. гос. ун-т. — Челябинск, 2012. — 23 с.

38. Алексеев, С. С. Общая теория социалистического права : учеб. пос. : в 4 вып. / С. С. Алексеев. — Вып. 1: Введение. Сущность социалистического права, 1993. — Свердловск : Свердловск. юрид. ин-т. — 265 с.

39. Шебанов, А. Ф. Форма советского права / А. Ф. Шебанов. — М. : Юрид. лит., 1968. — 212 с.

40. Головзний, А. В. К вопросу о соотношении понятий «система права» и «система законодательства» / А. В. Головзний // Вестн. Моск. ун-та МВД России. — 2010. — № 12. — С. 81–84.

41. Сенякин, И. Н. Система права и система законодательства / И. Н. Сенякин // Общая теория государства и права. Академический курс : в 3 т. / под. ред. М. Н. Марченко. — Т. 2. — М. : Зерцало, 2001. — 518 с.

42. Хабриева, Т. Я. Миграционное право России : теория и практика / Т. Я. Хабриева ; Ин-т законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Рос. Федерации. — М. : Юрид. фирма «Контракт», 2008. — 336 с.

43. Попова, А. В. Инвестиционное право как комплексное нормативное правовое образование системы права Российской Федерации / А. В. Попова // Науч. вестн. МГТУ ГА. — 2013. — № 10 (196). — С. 119–121.

44. Соколов, Е. С. Основные научные позиции по вопросу о месте и роли инвестиционного права в системе российского права / Е. С. Соколов, И. Ю. Пекер // Междунар. журн. гуманитарных и естественных наук. — 2017. — № 11. — С. 251–253.

45. Красавчиков, О. Д. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) / О. Д. Красавчиков // Правоведение. — 1975. — № 3. — С. 62–71.

46. Стучка, П. И. Классовое государство и гражданское право / П. И. Стучка ; Социалистическая акад., Секция права и государства. — М. : Изд-во Социалист. акад., 1924. — 78 с.

47. Занковский, С. С. Из истории предпринимательского (хозяйственного) права / С. С. Занковский // Проблемы экономики и юридической практики. — 2017. — № 3. — С. 52–56.

48. Сидорчук, В. К. Хозяйственное право Республики Беларусь : курс лекций / В. К. Сидорчук. — Минск : БГУ, 2011. — 620 с.

31.05.2021

Yu. P. Gavrilchenko
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Financial Law
and legal regulation of economic activities
of the Belarusian State University

PLACE OF INVESTMENT LAW IN THE SYSTEM OF LAW

Abstract. The article examines investment law in the context of its place in the legal system. The author studied the concepts of the complex branch of law, the complex branch of legislation, as well as the characteristic features of the branch of law, the subject and method of investment law. The paper concludes that there are five key approaches to the place of investment law in the legal system in legal science: complete absorption by other branches of law (mainly civil), an independent branch, a complex branch of law, a complex branch of legislation, “complex legal” education. After analyzing these approaches, the author comes to the conclusion that, taking into account the current state of development of investment law, it can be recognized as a complex complex formation, a structural element (sub-branch) of the macrostructure of economic law

Keywords: investment law, system of law, investments, complex industry, branch of legislation, subject, method.